

Человечество делится на террористов и заложников. Причем человек может быть одновременно и обреченным заложником по отношению к одним людям, и безжалостным террористом по отношению к другим. Чаще всего так и случается.

Автор

Аркадий Константинович Пыёлдин.

Да, по документам, собранным в многочисленных уголовных делах, его звали именно так. А в быту, на нарах, в тюремных коридорах, на лесоповалах проще — Каша. От слова «Аркаша». Почти всю свою сознательную жизнь Пыёлдин был эком. Сидел он часто и по самым различным поводам. Не стоит перечислять номера статей, по которым ему пришлось отсидживать. Главное в другом — Пыёлдин постоянно думал только о побеге. Ни о чем другом думать он просто не мог.

Да и не хотел.

В мыслях, во сне, в бреду, в разговорах у него была одна тема — побег.

Конечно, целеустремленность, отчаянная безрас- судность, опять же богатейший опыт всевозможных отсидок рано или поздно давали ему возможность для побега. И он убегал.

Естественно, его отлавливали, а как человека про- стодушного и непосредственного, отлавливали куда быстрее и успешнее прочих. И возвращали на преж- нее место, а то и в более суровое, не забывая при этом за нарушение режима добавлять годик-второй к сроку. Так уж получилось, что последние десять лет его судили за одни лишь побеги. Не бегай он из мест заключения, давно бы вышел на свободу на законном основании.

Но, похоже, Пыёлдин этого и не желал.

И постепенно, с годами, весь смысл его жизни свелся к двум вещам — побегам и перепрятыванию. Побегу ему удавались, и неплохие побегу, красивые, можно сказать. А вот прятаться Пыёлдин не умел, натура подводила. Уж очень ему хотелось рассказать, какой он ловкий, шустрый, неуловимый, как здорово всех облапошил и удрал из таких мест, откуда никто никогда не удирал. Стукачи исправно отработывали свой хлеб, местопребывание Пыёлдина тут же становилось известным всем заинтересованным службам, его засекали, брали под белые руки и возвращали на еще не остывшие нары.

Сказать, что Пыёлдин очень уж убивался, страдал и каялся?..

Нет, не было этого.

Огорчался?

Да, огорчался, но не более того. Перед ним открывалась новая возможность посмеяться над охраной, восхититься собой. Побегу стали для Пыёлдина чем-то вроде наркотика, он просто стремился повторять их снова и снова. Но для этого необходимо было снова оказаться в заключении...

И он там оказывался.

Начальник тюрьмы Суковатый, получив в свое распоряжение Пыёлдина, внимательно ознакомился с его делом и, конечно же, принял меры — усилил охрану, определил Пыёлдину особый режим, чтобы тот постоянно чувствовал на себе глаз настороженный и суровый.

Авторитеты в камерах выясняли непростые свои отношения, кого-то били, кого-то «опускали», возводили в воровские ранги — Пыёлдина это нисколько не интересовало. Его самостоятельность признавали и не трогали. Он сидел в сторонке, уважительно слушал, но в разговоры не вмешивался. При этом все знали, что

если уж бежать, то только с Кашей, Каша в побеге незаменим, там, где Каша, — там успех, победа и в конце концов свобода.

Пыёлдин подолгу смотрел в зарешеченное окно, и взгляд его был задумчив и затуманен. К новичкам он относился с неизменным уважением, расспрашивал о жизни, интересовался прежними занятиями, увлечениями, друзьями. Расспрашивал подробно, даже с некоторым пристрастием. Те поначалу настораживались, но им объясняли, что Пыёлдину можно довериться, не подведет, не предаст.

Обнаружив как-то среди новеньких бывшего фокусника, Пыёлдин несколько дней ходил воодушевленный, посматривал на всех хитро, с прищуром, но потом сник — не смог придумать, как использовать для побега уникальные способности циркового мага и волшебника. Фокусы тот показывал охотно, но свободу они нисколько не приближали.

— Ну что, Каша! — окликали его угрюмые и насмешливые. — Когда назначаешь побег?

— Да вот стемнеет... И рванем. Нас уже ждут.

— Кто ждет-то?

— Верные люди, — заверял Пыёлдин. — И столы накрыты, и банька протоплена.

— А девочки в сборе?

— До отвала девочек, — заверял Пыёлдин.

Зэки весело смеялись, толкали друг друга острыми локтями, взбрыкивали ногами, потому что даже самые дикие мечты о свободе все-таки грели их непутевые души, позволяли произнести слова, от одного звучания которых хотелось улыбаться и смотреть в небо — банька, накрытые столы, девочки... Хотя какие девочки? Все прекрасно понимали, что речь идет об изморожденных жизнью мясистых тетках, согласившихся ждать их, пугливых и хмурых.

И вот однажды, знакомясь с прибывшим пополнением, Пыёлдин обнаружил среди воров и мошенников... Да, бывшего вертолетчика. Как-то он там, на воле, злоупотреблял служебным положением, использовал дорогую машину в личных целях, обогащался, перебрасывая в недоступные места коров и коз, доски и песок, а однажды даже каких-то хмырей от погони спас. И, конечно, попался, на радость Пыёлдину, оказался с ним в одной камере на соседних нарах.

— Так, — сказал Пыёлдин просветленно. — Так, — повторил он и обвел сокамерников взглядом шалым и обнадеживающим.

— Забрезжило? — спросил его старый громила Козел и подмигнул остальным обитателям помещения. Потешимся, дескать.

— Раздайся море — говно плавает! — ответил с достоинством Пыёлдин. Слова эти были не всем понятны, но столько в них было уверенности и пренебрежения к тяготам окружающей жизни, что сокамерники, переглянувшись, смолкли. Пыёлдин, спрыгнув с нар, азартно прошелся по кругу непередаваемой своей походкой — полуприсев, согнув руки в локтях, двигая ими взад-вперед и играя плечами. Радостное возбуждение охватило его, и, не сдержавшись, все так же пританцовывая, подошел он к вертолетчику и расцеловал в обе небритых щеки. И хотя не было нигде вокруг вертолета, да и быть не могло, хотя сам вертолетчик Витя сидел на нарах, тоскливо глядя в зарешеченное окно, что-то изменилось в мире, потянуло свежим ветерком свободы, и Пыёлдин первым почувствовал этот еле уловимый, нежный сквознячок. Исходил он от мордатого Вити, который смотрел на Пыёлдина подозрительно и настороженно.

А мысль Пыёлдина продолжала работать в заданном направлении — есть вертолетчик. Значит, вывод

может быть единственным — нужен вертолет. «Нужен вертолет!» — твердил себе Пыёлдин, но ни слова никому не говорил. Знал, твердо знал — есть в камере стукачи, и стоит ему обронить одно неосторожное словечко, как оно сразу станет известно Суковатому, начальнику тюрьмы. И любой его план, самый тонкий и замысловатый, рухнет в тот же момент.

Такой план у Пыёлдина возник — именно тонкий и замысловатый.

Но требовалась встреча с начальником тюрьмы. Предлог годился любой. И Пыёлдин начал добиваться такой встречи, хотя надежды на успех было немного. Но дошел, дошел до Суковатого слух, что беглец-профессионал Пыёлдин хочет с ним повидаться. И наконец наступил день, наступил час, когда Суковатый согласно кивнул большой кудлатой головой.

— Ладно, — сказал он. — Ведите. Посмотрю, что за хмырь.

Большого впечатления Пыёлдин никогда не производил, а тут и вовсе показался Суковатому каким-то мелковатым, жуликоватым, даже трусоватым, что, в общем-то, действительности не соответствовало. Но Суковатый этого не знал и с легким пренебрежением, с чуть заметным недовольством наблюдал, как Пыёлдин, потоптавшись у двери, сам подошел к окну и выглянул во двор, что само по себе уже было наглостью. Но Пыёлдин тут же спохватился и снова замер у двери, скрестив руки в нижней части живота.

— Ну? — сказал Суковатый. — И что?

— Мыслями хотел поделиться, гражданин начальник, — смиренно произнес Пыёлдин.

— Чем? — отшатнулся начальник от стола.

— Лежишь вот так ночью на нарах, а мысли идут, идут... И не знаешь, что с ними делать. — Пыёлдин

подкатил глаза к потолку и на некоторое время замер в позе униженной и печальной.

— Насколько мне известно, мысли у тебя могут быть только об одном, — усмехнулся Суковатый и весело подмигнул конвоиру, который доставил Пыёлдина из камеры.

— Думаете, о бабах? — Пыёлдин расчетливо опередил начальника и сразу сбил того с подозрения о побеге. — Ошибаетесь, гражданин начальник. Очень крепко ошибаетесь.

— Неужели?

— Какие бабы, — вздохнул Пыёлдин.

— О чем же твои мысли?

— О пользе дела.

— Надо же, — крутнул головой Суковатый. — Где же, в какой области человеческой деятельности ты решил принести пользу?

— В воспитательной области.

— Так, — крикнул Суковатый. — Продолжай.

— В тюремной, — добавил Пыёлдин.

— Одобряю. Говори.

— Предложение мое заключается в том, чтобы исключить самую малую возможность побега заключенных, подследственных, подозреваемых... И прочих, которых вы призваны охранять по долгу службы.

Пыёлдин произнес все это с такой скорбью в голосе, посмотрел на Суковатого так честно и проникновенно, что тот устыдился дурных мыслей об этом несчастном человеке.

— Ты считаешь, что охранные меры недостаточны?

— Видите ли, гражданин начальник... Охранные меры, это как деньги — их никогда не может быть слишком много. Они никогда не могут быть излишними. Если есть возможность повисить, укрепить, преду-

смотреть, значит, надо повесить, укрепить и предумать.

Суковатый опустил голову, поправил телефон на столе, сдвинул в сторону календарь. Взгляд его был озадаченным и смущенным.

— Не понимаю я тебя, Пыёлдин, — сказал он. — Не понимаю. Всю жизнь ты бегал, как поганый заяц...

— Когда-то надо и остановиться. — Пыёлдин потупил глаза.

— Так... Это мне нравится. Наконец-то ты решил взяться за ум... Я уж, честно говоря, и не надеялся. Приветствую. Одобряю. Что предлагаешь?

— Я присяду? — спросил Пыёлдин.

— Садись. Хотя, как мне кажется, ты уже давно сидишь? А? — Суковатый расхохотался.

Пыёлдин к шутке начальства не присоединился, на стул у двери сел молча, с самого краешка, но с достоинством.

— Значит, так, — он в волнении потер ладонями по коленкам. — Смотрю я как-то в окно камеры... И что же вижу?

— Действительно, что же ты видишь?

— Я вижу, как по полю электрики тянут высоковольтную линию... Мачты ставят, катушки с кабелем подвозят...

— Предлагаешь по нашей колючей проволоке высокое напряжение пустить? — посуровел Суковатый. От гнева он даже со своего стула приподнялся и тяжело навис над тщедушным Пыёлдиным.

— Упаси боже! — замахал руками Пыёлдин. — Как вам такое только в голову могло прийти, гражданин начальник?! — От охватившего его ужаса Пыёлдин руками прикрыл лицо. — Это же негуманно, это не по-нашему... О другом речь, совсем о другом... Вы видели, какие мачты устанавливают? Красота! Насто-

ящая сталь, прекрасный уголок, серебристая краска... Солнце из-за тучки выглянет — глазам больно смотреть на эту мачту... Сверкает будто в иное... Хотя некоторые мачты, как я заметил, с нарушением сделаны. Не годятся они для высоковольтной линии... Размеры сварщики не соблюли, доставили небрежно, конструкции смяты, изломаны...

— Ничего не понимаю! — Суковатый беспомощно посмотрел на конвоира, но и тот бестолково развел руками. — Дурака валять пришел? Какие мачты, какие размеры? Что ты несешь?!

— Мысль моя устремляется дальше, гражданин начальник, мысль моя не стоит на месте, — ответил Пыёлдин, делая успокаивающие взмахи ладошками. — Вот бы эту, не совсем пригодную для монтажников мачту установить на крыше нашего здания, а? Стены бетонные, перекрытия из плит, выдержат. И взметнется красота неписаная на двадцать метров вверх! А!

— А на фига? — настороженно спросил Суковатый. От напряжения мысли он взмок и вытер лоб платочком.

— Как?! — вскричал Пыёлдин потрясенно. — Вы не хотите?!

— На фига? — угрюмо повторил Суковатый.

— Установить мачту на угол здания, в самом верху наварить площадочку для часового, сделать навес, чтоб не мок он там под дождем, чтоб не заметал его снег, протянуть свет, установить прожектор... Вся тюрьма как на ладони! Мышь не пробежит незамеченной! А если какое нарушение, если кто задумает перебросить через забор водку, деньги, наркоту отвратную, чай для чифира... Вам тут же будет известно! Все тут же будет лежать на вот этом столе. А мачта, о, какая мачта! — Пыёлдин, обхватив голову руками, некоторое время раскачивался из стороны в сторону. — Это не

мачта, а мечта! Она же светится, она украсит нашу любимую тюрьму и придаст ей вид нарядный, но в то же время бдительный, неприступный. Начальство ваше как увидит — сразу устыдится! Дескать, как сами не додумались! И ваш опыт распространит по всем тюрьмам Содружества! — Пыёлдин обессиленно откинулся на спинку стула и неотрывно смотрел в глаза Суковатого, призывая все свои внутренние силы повлиять на начальство, внушить ему восторг, чтобы не отказал Суковатый и принял бы его предложение.

— Ну, хорошо, — недоверчиво протянул тот. — Скажи тогда, будь добр... А чего это ты, вечный бегун, вдруг предлагаешь меры по устранению побегов?

— Устал я, начальник... Сколько можно бегать... И потом, подумал... Вдруг потеплеет у вас на сердце, и в моем деле вы пару добрых слов запишете... Дескать, вел себя пристойно, порядок не нарушал, даже заботился... Глядишь, оно мне и зачтется, а?

— Хм, — Суковатый поднялся, вышел из-за стола, остановился у окна. И в самом деле увидел, как через пустырь, мимо тюрьмы, на окраину города и дальше в степь протянулся длинный ряд мачт. Хорошие мачты, вынужден был признать Суковатый, высокие. И устойчивые. Если все грамотно рассчитать, забетонировать болты, то установить такую мачту можно без особого труда. И ступеньки можно наварить, и площадку с перильцами, и для прожектора место найдется... — И как это тебе в голову пришло? — Суковатый подозрительно посмотрел на Пыёлдина, который, зажав ладони коленями, молча раскачивался из стороны в сторону.

— Я же это... Старый по этому делу... Монтажник не один год оттрубил. — Пыёлдин кивнул в сторону окна.

— Да? — удивился Суковатый. — Что-то я в твоей папке об этом не читал.

— А что там напишут, — горько произнес Пыёлдин. — Украл, обманул, сбежал... Хорошее разве увидят, разве отметят? Наоборот... Если и есть что-то в человеке достойное, обязательно вычеркнут.

— Ладно тебе жаловаться! Кому-кому, но уж тебе-то грех...

— Я не жалуюсь... Живу и живу, — смиренно произнес Пыёлдин и отвернулся с безнадежностью во взоре.

— Отведи его, — сказал Суковатый конвоиру.

— Хоть дело предложил? — осмелился спросить Пыёлдин, уже переступив порог.

— Разберемся, — сухо ответил начальник тюрьмы.

— Как скажете. — И Пыёлдин вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Но увидел в последний момент, увидел все-таки — задумался Суковатый. Еще дверь была приоткрыта, а он уж к окну потянулся. «Значит, будет прикидывать, глядишь, позвонит кому-нибудь, узнает, кто работы ведет», — удовлетворенно подумал Пыёлдин. Знал он, что начальник самолюбив и тщеславен. Если уж подвернется ему возможность заслужить похвалу от руководства — в кровь расшибется, а такого шанса не упустит.

Прошла неделя, вторая. Пыёлдин заскучал, решив, что затея с серебристой вышкой сорвалась. Монтажники уходили все дальше, они уже миновали окраины города, а начальник тюрьмы ничего не предпринимал, и, хотя беседы Пыёлдина с вертолетчиком продолжались, дело не двигалось.

И вдруг...

Возвращаясь однажды от следователя, который допрашивал его чуть ли не через день, все пытаясь вызнать какие-либо подробности давнего его заблуждения, Пыёлдин увидел, как во двор тюрьмы медленно

въезжает тягач, а на прицепе... Да! Сверкает-искрится мачта для высоковольтных линий электропередачи.

О, какой радостный вопль раздался в душе Пыёлдина! Но виду он не подал, в камеру вошел уныло, не произнеся ни слова, забрался на нары и отвернулся к стене, чтобы даже по взгляду никто не догадался об истинном его состоянии. Пыёлдинский план, несмотря на всю фантастичность, начал осуществляться. Все и сейчас могло сорваться, свобода была так же далека, как и прежде, но что-то в мире произошло, что-то сдвинулось, зашевелилось, будто легкий предгрозово́й ветерок пробежал по листве, запыленной и поникшей.

На следующий день во время прогулки по тюремному двору Пыёлдин прошел мимо мачты, вроде равнодушно прошел, взглядом сумрачным и забитым скользнул вдоль всей ее длины и, не замедляя шага, поволокся дальше, чтобы даже у конвоира не возникло желания сделать ему замечание, подтолкнуть, поддать сапогом под тощеватый зад. И потом, не исключал осторожный Пыёлдин, что Суковатый в этот самый момент смотрит на него из своего окна — любил начальник тюрьмы с высоты третьего этажа понаблюдать за перемещениями по двору людей, машин, грузов.

— И ладно, — пробормотал Пыёлдин. — И хорошо. И пусть.

Мачта оказалась явно короче, чем он предполагал, конечно, не было в ней двадцати метров, в лучшем случае двенадцать. Но это неплохо — окажись мачта и в самом деле двадцатиметровой, Суковатый мог бы отказаться от затеи, побоялся бы, что она ему всю тюрьму разрушит. А так вполне нормальная, можно сказать, даже скромная длина. И установить ее на углу здания можно без всякой опаски на зависть всем тюремщикам ближнего и дальнего зарубежья.

В тот же вечер связался Пыёлдин с волей, изловчился передать с адвокатом записочку, чтоб, дескать, ждали его, чтоб подготовили все, что требуется, в достаточном количестве. Имелся у него такой адресок, были верные люди, которые знали твердо — отлучился Каша ненадолго, скоро пожалует. То-то будет радости, то-то выпьют ребята за удачу его, за отчаянную пыёлдинскую душу, за нестареющий нрав. Млел и наслаждался Пыёлдин, отвернувшись к стене, все в нем ликовало, пело и ходуном ходило, но сокамерники видели только узкую, скорбную спину да стриженный затылок.

Конечно же, никогда в жизни Пыёлдин монтажными работами не занимался, не приходилось ему ни мачты устанавливать, ни бетонировать болты, но он надеялся на свою смекалку, прикидывал, как найти человека, который бы хоть немного разбирался во всей этой премудрости. Если, конечно, дело дойдет до сооружения вышки, если не остановится Суковатый в своем стремлении выделиться среди прочих начальников тюрем, которых немало разбросано по всей земле — унылых и забитых, без полета, дерзости и стремления. А вот Суковатый... О, этот Суковатый!

И наступил день, когда Пыёлдин понял, что удача не отвернулась от него, не покинула его в жизни бесполой и преступной. Да он и сам изо всех сил старался не вспугнуть ее громким голосом, несуразным словом, даже надеяться на нее считал грешным делом. Притих Пыёлдин, вроде бы даже смирился, и взгляд его сделался приветливо-затаенным, и все поведение, может быть, даже незаметно для него самого, стало вкрадчивым, по-кошачьи мягким. Люди, хорошо знавшие Пыёлдина, могли бы уверенно сказать, что не к добру это, что на изготовке Пыёлдин и лишь выжидает момент, чтобы совершить новый умопомрачительный

прыжок. Но таких людей в этой тюрьме, в этой камере не нашлось, и потому все решили — сломался Пыёлдин, не выдержал многолетних тюремных тягот. И никому в голову не приходило, что никогда еще не был он так воодушевлен, никогда так полно не охватывал его порыв безрассудный и отчаянный.

— Пыёлдин! — заорал дурным голосом конвоир, как-то заглянув в камеру. Заорал так, что все ее обитатели вздрогнули от неожиданности. — Есть такой?

— Ну? — подал голос Пыёлдин.

— На выход!

— С вещами?

— Ха! Рановато тебе еще с вещами... Лет через десять вызову с погаными твоими вещичками... Если будешь хорошо себя вести. В следующем тысячелетии выйдешь.

— Говорят, скоро конец света наступает, — пробормотал Пыёлдин, соскальзывая с нар. — Все избавление...

— Тебя это не касается! Не надейся. Ишь, размечтался! Если конец света и состоится, то не для тебя... Ты свое отсидишь в любом случае.

— Дай бог, — пробормотал Пыёлдин, семена к выходу и на ходу натягивая фуфайку.

— Что-то не нравишься ты мне, Пыёлдин, какой-то ты сегодня не такой, а?

— Годы, — Пыёлдин развел руками. — Годы... С ними не поспоришь. Кого угодно к земле пригнут. Куда идем-то?

— Начальник вызывает.

— Это хорошо.

— Работу хочет важную поручить.

— Работа всегда в радость! — не сдержавшись, воскликнул Пыёлдин. — Работой нас не запугаешь!

— Ну, ты даешь! — покачал головой конвоир, хорошо знавший о многочисленных отсидках зэка. — Кто же тебе раньше-то мешал отдаваться работе без остатка?

— Да ваш брат и мешал... Бывало, только соберешься, только настроишься на ударный труд, а вы уж тут как тут... «Руки вверх! — кричат. — Стрелять буду!» Собаками травят, руки вяжут, запихивают в какие-то кутузки на колесах... Какая работа, если руки связаны?

— Ну, ты даешь, — повторил конвоир. — Хитрый ты мужичок, как я посмотрю, ох и хитрый... С тобой надо ухо остро держать.

— Держи, — кивнул Пыёлдин и тут же спохватился — если даже этот мордovorот что-то заподозрил, если уж он считает его хитрецом и пронырой, то останавливаться надо срочно.

И Пыёлдин замолк. На все слова конвоира лишь печально качал головой не то осуждающе, не то безразлично.

— Давно не видел тебя, Пыёлдин! — встретил его Суковатый напористо и улыбочиво. — Где пропадал?

— Делом был занят.

— Каким?! — поперхнулся начальник.

— Срок отбывал.

— И как?

— Нормально... Идет срок. Совсем немного осталось.

— Говорит, конец света ожидается, — доложил начальству конвоир. — Дескать, стены рухнут, мертвецы из могил поднимутся... Надеется среди них и затеяться.

— Точно? — переспросил Суковатый.

— Как получится, — уклонился от ответа Пыёлдин. — По-разному может получиться...

— Не советую, — поморщился Суковатый. — Не советую, — добавил он, помолчав. — Лучше уж в тюрьме, но среди живых. Покойники... Они ребята странные, никогда не знаешь, чего от них ожидать, в какую сторону их занесет, — Суковатый мрачно задумался, словно и в самом деле вспоминал о неприятных встречах в потустороннем мире.

— Наговаривает, — кивнул Пыёлдин в сторону конвоира. — Я сказал в том смысле, что вообще скорей бы конец... Устал я, начальник, сломался я...

— Неужто в самом деле?

— Похоже на то.

— Ты вот что, — строго проговорил Суковатый, нахмурившись. — Ты с этим делом кончай, погоди ломаться-то! Сделай порученное, а потом уж как захочется... Хочешь — ломайся, хочешь — кривляйся, на ушах ходи... Ишь! Как к работе, так он скорей ломаться! Не выйдет, Пыёлдин! На этот раз тебе не удастся никого объегорить!

— Ох-хо-хо! — вздохнул Пыёлдин.

— Мачту во дворе видел?

— Красивая мачта.

— Твоя затея... Радуйся!

— Я, конечно, извиняюсь... Но такая вот просьба... Вы не очень-то об этой мачте, об затее...

— А что такое? — насторожился Суковатый.

— Узнают ребята в камере... Вам новые расходы... Гроб, яма, музыка...

— Музыка?! — расхохотался Суковатый. — Ты надеешься на музыку?! Пыёлдин! На оркестр даже я не рассчитываю, а уж тебе-то... Значит, так! Я тебе такую музыку устрою... Из гроба встанешь! Попомни мое слово!

— Попомню.

— И заруби себе на носу.

— Да я бы и не возражал... Из гроба-то поднять-ся... И никто бы не возражал.

— Ладно, хватит трепаться. Заладил, понимаешь, гроб, конец света, покойники по улицам бродят... Мачту надо ставить. Понял? Ты говорил, что по этому делу вроде как мастер, а?

— Говорил.

— Приступай.

— Вот так сразу? Кое-что требуется для работы...

— Что нужно? — Суковатый придвинул к себе календарь и взял ручку. — Говори, записываю.

— Крепежные болты...

— Анкерные?

— Называйте их как угодно... Любым словом. Я иностранным языкам не обучен. Крепежные болты бетонируются по углам. А потом, когда бетон схватится, на них, на болты то есть, мачта надевается. И гайками прихватывается. Для прочности и от злого умысла гайки лучше тоже залить бетоном.

— А какой может быть умысел? — Суковатый напряженно приник к столу полноватой грудью.

— Ну, как... Возьмет какой дурак из шалости да и отвинтит... Мачта качнется, часовой с автоматом наверху потеряет самообладание, шамальнет очередью по окнам, десятки погибших заключенных, сотни раненых, тысячи сбежавших...

— Не пойму я тебя, Пыёлдин, — Суковатый облегченно откинулся на спинку стула. — То ли ты природный дурак, то ли прикидываешься от скуки, а?

— Не силен я в словах, начальник... Вот когда дело какое есть, когда работа настоящая — я в порядке, а в словах, может, и в самом деле дураком кажусь... Не дано мне этого знать. Помню, еще моя первая учительница всегда говорила...

— Ладно, — раздраженно прервал Пыёлдина начальник тюрьмы, почувствовав, что вязнет, задыхается в этом бестолковом пререкании. — Дурак ты или нет, а работу надо выполнить. Про болты и гайки записал... что еще нужно для установки мачты?

— Бетонный раствор нужен. Не штукатурный, а именно бетонный. В городе должен быть бетонный узел — возьмете два-три куба, больше не понадобится. Вам дадут.

— И сколько же мне дадут? — побледнел от оскорбления Суковатый. — Год? Пять лет? Десять?

— Я не о том... Раствор вам дадут.

— А почему ты решил, что мне дадут?

— Ну как, — застеснялся Пыёлдин. — Начальник тюрьмы все-таки... Не хвост собачий.

— Что же из того, что я начальник тюрьмы? — продолжал допытываться Суковатый.

— Понимают же идиоты на бетонном узле, что каждую минуту могут оказаться в вашем полном распоряжении.

— Это почему же они должны так думать?!

— Потому что воруют. Сами знаете... Дай бог, чтобы каждый второй куб по разнарядке шел, а то ведь где-то четвертый, пятый куб идет по назначению. Остальное на сторону. Рыночные отношения требуют... Вам они тоже вроде как на сторону отдадут. А вы здесь уже можете все с бумажками оформить, дескать, большие расходы понесли... Глядишь, кое-что на дачку перепадет.

— Слушай, ты! Пыёлдин! Говори да не заговаривайся!

— Вот выпишете не два куба, а все пять... И считайте, что фундамент для дачи у вас уже есть. Дело житейское... А на даче бетон всегда нужен — дорожка, яма сливная, в подвале работы... Мало ли... — Пыёл-

дин тоскливо смотрел в окно, всем своим видом давая понять, что все эти милые житейские хлопоты ему недоступны.

— На свой аршин меряешь! — гневно произнес Суковатый и опасно покосился на конвоира, который внимательно вслушивался в разговор. — Хорошо... Бетон. Уяснили. Что еще?

— Доски для опалубки... Тоже не мешало бы с запасом... Мало ли... Уголки железные для ступенек и перил... Железные листы для площадки... Пржектор...

— Записал!

— Ну, и это... Люди. Кадры решают все.

— Сколько?

— Человек десять, двенадцать...

— Ты что?! Совсем ошалел?! Может, тебе всю тюрьму в команду записать?

— Гражданин начальник, — Пыёлдин наконец осмелился взглянуть Суковатому в глаза. — Прикиньте сами... Какой из зэка работник? Думаете, носилки они будут вдвоем таскать? Ни фига! Вчетвером. Да еще один будет рядом идти и советы давать... Да-да! У носилок четыре ручки, и за каждую отдельный зэк будет двумя руками держаться. И потом... Ни один из них не станет насыпать бетон на эти несчастные носилки... Для насыпания бетона нужно еще четыре человека... А плотницкие работы? А земляные? А кровельные? Думаю, что и двенадцати будет маловато... Но дело сделаем, — успокоил начальство Пыёлдин. — Сделаем дело. Как в лучших домах города Днепропетровска, — вздохнул от неизъяснимой тоски Пыёлдин.

— Где?

— Да это я так... К слову.

— Хорошо, — Суковатый опять что-то записал на листке отрывного календаря. — Это все семечки... Главный вопрос... Ты о главном подумал?

— Это о чем? — спросил Пыёлдин, и сердце его дрогнуло — разговор невольно скатился к самому важному.

— Как ты собираешься эту дуру наверх поднять? Как ее на болты насаживать?

Прозвучал, все-таки прозвучал вопрос, которого Пыёлдин опасался больше всего. Не потому, что не знал ответа, ответ он прекрасно знал с самого начала, боялся выдать себя блеском глаз, дрогнувшим голосом, неверным движением рук. Больше того, он опасался за свой организм, который мог неведомым образом послать сигнал тревоги организму Суковатого, и тот обо всем догадается, все поймет, прозреет, спохватится...

Заминка в разговоре возникла невольная и потому естественная. Суковатый по простоте душевной понял ее так, что Пыёлдин и в самом деле не подумал о том, как поднять мачту на третий этаж, как на крыше установить, как насадить ее на стальные болты. И потому терпеливо ждал ответа, давая возможность Пыёлдину поразмыслить, поприкинуть, попытаться что-то предложить.

— А что тут думать, начальник, — проговорил Пыёлдин, не поднимая головы, только руками развел, даже не руки у него в стороны пошли, одни ладошки. — Я так прикидываю — без вертолета не обойтись.

— Где же я тебе вертолет возьму? Ты чего несешь-то?

— Ха! — Этот вопрос был уже попроще, и Пыёлдин с облегчением поднял голову, посмотрел в настоженные суковатовские глаза. — Да любая воинская часть будет счастлива нам удружить.

— Кому это нам?

— Ну... Вам и мне, — совсем уже осмелел Пыёлдин и даже усмехнулся рискованности своей шутки.

— Это почему же она будет так счастлива?

— Да все потому же, начальник!

— Отвечай, когда спрашивают! — требовательно произнес Суковатый, чуть повысив голос.

— Так ведь это... Если им ревизию хорошую устроить... Половины автоматов недосчитаются, это уж точно.

— Где же у них автоматы?

— В Чечню продали, чего тут думать! Чем чеченцы воюют? Откуда у них гранатометы, танки, самолеты и прочее добро? Все попродали! Сам помню... — В этом месте Пыёлдин спохватился и умолк, опустив голову.

— Что ты помнишь? — протянул Суковатый. — Давай-давай, рассказывай все без утайки!

— Помню, в газете читал... Дескать, не очень бережно в воинских частях к личному оружию относятся... А вы что подумали?

— Ладно, читатель, — усмехнулся Суковатый. — Вертолет, говоришь, — он задумчиво уставился в окно. — Вертолет... Знаю, есть у ребят вертолет... И грузоподъемность позволяет... Придется поговорить. Надолго он нам понадобится?

— Если все будет подготовлено, если водила ихний не дурак, да еще и трезвым окажется, если болты удачно забетонируем... То за полчаса можно управиться.

— Полчаса?! — обрадовался Суковатый.

— А чего? Можно... Но по опыту знаю — уйдет не меньше трех часов... А то и больше.

— Три часа?! — ужаснулся Суковатый.

— Смотрите сами, начальник... Прилетит... Он что, сразу схватил и поволок? Нет. Ему, водиле, надо подняться на крышу, познакомиться с обстановкой, он должен осмотреть болты, чтобы знать, как повернуть мачту, каким концом ее опустить, где приподнять... Моя задача — все объяснить, растолковать, мордой

его в болты ткнуть... А он поймет не сразу, с третьего захода начнет до него доходить... В лучшем случае... Потом закрепление тросов... И опять же не с первого раза. С первого раза тросы обязательно соскользнут, потому что ээки, должен вам сказать...

— Знаю, — нетерпеливо перебил начальник тюрьмы. — Говори дальше.

— То, что я перечислил, — это уже больше двух часов. Потом поднимать начнет...

— А чего там поднимать-то?

— Ну, как... То мимо пронесет, то трубу зацепит, то зависнет на такой высоте, что до него и не дотянуться... Сколько раз, помню, бывало на трассе... — Пыёлдин задумчиво уставился в зарешеченное окно, за которым полыхала синева свободного неба.

— Дальше!

— Вот так с третьей попытки и посадим. Тут же гайками заждем, контрики закрепим... И дело сделано. Стоит, красавица, на зависть всем остальным тюрьмам государства. Но ведь надо еще троса отцепить, а это опять для водилы посадка на тюремный двор... Потом уже можно звать сварщика, дальше все проще... Наважить ступеньки, присобачить площадку, из арматурной проволоки перила сделать...

— И все?

— А там нужно и о банкете подумать.

— О каком банкете?

— Положено, начальник... Обновку обмыть надо...

А то ведь завалится площадка в неурочный час, как пить дать завалится... Вы вот с руководством воинской части коньячку отведаете, а нам на обед по компоту выдадут за хорошую работу, — Пыёлдин горестно усмехнулся. — Мы свое место знаем, сделали доброе дело — и на нары, срок досиживать, хорошую характеристику зарабатывать.

— Да ладно тебе... Поднесу коньячку, так уж и быть, — Суковатый махнул тяжелой мясистой рукой. — За хорошую работу можно по сто грамм.

— Много доволен, — пробормотал Пыёлдин, пряча глаза. — Премного благодарен, — он еще ниже опустил голову, чтобы не заметил начальник тюрьмы дьявольского блеска в его глазах.

— Отведи в камеру, — приказал Суковатый конвоиру. — Пусть пока отдыхает, сил набирается.

Пыёлдин вышел, так и не подняв глаз. Заложил руки за спину, как положено, ссутулился, вперил глаза в крашенный бетонный пол и зашагал по знакомому до каждого гвоздя коридору в камеру, провонявшую всеми человеческими отходами, которые только можно себе вообразить.

Следующие две недели прошли в напряженных подготовительных работах. Бригада из двенадцати человек, которых отобрал сам Пыёлдин, руководствуясь одному ему известными признаками, медленно, но верно продвигалась вперед, выполняя порученное дело.

Несколько дней сколачивали опалубку на крыше, закрепляли ее, потому сама по себе она стоять не могла и начала расползаться еще до заполнения бетоном. Эки ворчали, Пыёлдин носился от подвала до крыши, покрикивал, что-то отмерял шагами, сбивался, начинал сначала. Видимо, в жизни ему не часто доводилось пользоваться рулеткой, если он вообще когда-нибудь держал ее в руках. Топор тоже валился у него из рук, молоток бил вкось, вгоняя гвоздь в толстую доску так причудливо, что никогда нельзя было предугадать, куда гвоздь пойдет — острое вылезало в самых неожиданных местах, так что и вытащить его было непросто. Доски раскалывались, приходилось отпиливать новые, Суковатый ругался на чем свет стоит, поскольку доски

эти, по его прикидкам, должны были остаться и отправиться в другое место, более милое его сердцу, нежели тюрьма, наполненная отвратительными зэками, от которых каждую минуту можно было ожидать какой-нибудь гадости.

Наконец, когда опалубка была готова, когда арматура была уложена внутри, бригада начала ведрами таскать бетонный раствор на крышу. К концу четвертого дня все четыре болта были залиты. Но когда к ним приложили фанерный трафарет, изготовленный внизу, у мачты, выяснилось, что дыры этого трафарета на болты не попадали. Их начали выворачивать из полузастывшего бетона, сдвигать в стороны, к центру, и в конце концов добились — трафарет с грехом пополам наделся на болты.

Суковатый молча стоял у окна в своем кабинете и с подозрением присматривался к странной бригаде, которая время от времени схватывалась в яростном стремлении выяснить, как прибить доску, как забить гвоздь, с какой стороны зайти к опалубке, чтобы высыпать в нее ведро бетона. Конечно, будь Суковатый более образован в строительном деле, он бы надоумил или уж в крайнем случае, расшвыряв бестолковых работничков, сам бы показал, как чего делать. Но он тоже никогда в жизни не занимался строительством, поэтому зэковский спор казался ему дельным и разумным.

Поздним вечером, когда все болты были заново залиты бетоном, строителей, пошатающихся от непривычных усилий, развели по камерам. Все расходились молча, на Пыёлдина смотрели не столько со злостью, сколько с недоумением — никто не мог понять, зачем Каша ввязался в эту дурацкую затею, почему суетится, носится по этажам, какой во всем этом смысл?

Но Пыёлдин молчал.

Его материли так, как, наверное, никогда еще никого не материли на этой земле. Пыёлдин выслушивал гневные, в общем-то, справедливые упреки и кивал — дескать, все правильно, я с вами согласен, но надо бы еще десяток ведер свинцово-тяжелого бетона поднять на крышу. И только когда его уж совсем донимали, когда хватали за грудки и поднимали в воздух, готовые забетонировать вместе с опостылевшими болтами, он выставлял вперед свою натруженную за последние дни ладошку и проникновенно говорил:

— Вы не пожалеете... Сука буду, не пожалеете.

— Но ты, Каша, крепко пожалеешь, если все кончится компотом! — яростно вращая глазами, говорил ему вертолетчик Витя и вертел перед глазами бледного Пыёлдина громадным волосатым кулаком.

— Не пожалеете! — твердил Пыёлдин.

— Хоть бы харч давали человеческий! — орали ему в лицо. — Уродуемся с утра до вечера, а кормят бурдой. Жлоб твой Суковатый! Жлоб, каких свет не видал!

— Зэки! — торжественно шептал Пыёлдин. — Зэки, попомните мое слово... Не пожалеете.

— Говори, в чем дело! — требовали от него. Но здесь Пыёлдин был тверд и никакие угрозы на него не действовали. Видя такую непоколебимость, все убеждались, что у Пыёлдина действительно что-то на уме. И, ворча, снова брали ведра, медленно карабкались по перекладинам.

— Ну, Каша... рискуешь, — говорили ему.

— Знаю.

— Головой рискуешь!

— А у меня больше и нет ничего!

— Найдем еще кое-что, — заверяли его, и Пыёлдин прекрасно понимал, что это не пустые слова. Но понимал он и то, что малейшая его слабинка, самый

невинный намек на истинный его замысел-умысел все разрушат. Не мог, ну просто никак не мог Суковатый оставить их всех без надзора, без бдительных ушей. Наверняка он изловчился приставить к ним стукача, который доносит о каждом сомнительном слове, взгляде, вздохе. Но Пыёлдин настолько затаился в трепетном своем ожидании, что даже в небо боялся взглянуть лишний раз, чтобы не навести никого на подозрения. Да, в ясное, синее, просторное небо он смотрел крадучись, каждый раз находя для этого какое-нибудь оправдание, объяснение на случай, если кто спросит, чего, дескать, в небо уставился? Пыёлдин любовался небом, лишь когда никого не было рядом и никто не смог бы уличить его в этом сомнительном занятии — разглядывании белых облаков, пролетающих самолетов, верхушек деревьев за высоким забором, увитым колючей проволокой...

Пыёлдин знал, что единственный способ убежать из этой тюрьмы — взмыть в небо. В грохоте мотора, в мелькании лопастей, сливающихся в один почти невидимый круг, в будоражащем запахе бензина, в пыли, которая поднимется с тюремного двора и все покроет непроницаемой серой мглой — взмыть в ясное небо и унести, унести, унести!

К чертовой матери!

На свободу!

Пусть недолгую, жалкую, запуганную свободу, которая в конце концов добавит еще несколько лет к сроку, но унести!

Три мешка цемента приказал Пыёлдин утаить, спрятать в надежном месте, но рядом, недалеко, чтоб в нужную секунду оказались бы они под рукой. Сокамерники диву давались — на кой мужику цемент? Ведь не продашь его здесь, не выменяешь, не перебросишь через забор пятьдесят килограммов! Но в действиях,

в словах, даже в молчании Пыёлдина была такая уверенность, доходящая временами до ожесточенности, что сокамерники, опытные и немногословные зэки, начали что-то понимать, вернее, догадываться — Пыёлдин явно имел какой-то дальний смысл, тайный замысел, коварный умысел.

И подчинялись.

Пыёлдина уже не пытались расколоть, перед его поганой мордой не потрясали карточной колодой, грозя проиграть его вместе с заношенными трусами. Каждое слово выслушивали даже с некоторым подобострастием, указания выполняли хотя и неохотно, но быстро, четко, молча. Правда, пытались, пытались заглянуть ему в глаза, надеясь найти там ответ и сразу все понять. А Пыёлдин глаза свои блудливые прятал, отворачивался, опускал голову, словно и в самом деле опасался, что по его нестерпимо синим зенкам можно было о чем-то догадаться.

Наконец пришло известие — завтра будет вертолет.

Все молча переглянулись и уставились на Пыёлдина. Напряженно, выжидающе, с некоторой опаской.

— Что скажешь, Каша?

— Мешки с цементом поднять из подвала и сложить наверху.

— Зачем? Каша, скажи, наконец, — зачем?! — плачуще простонал Козел.

— И замаскировать пустыми бумажными мешками из-под того же цемента, — твердо произнес Пыёлдин.

И не добавил больше ни слова.

И ушел в железную будку, служившую бытовкой.

Два зэка, Козел и Хмырь, получив такое указание уже после рабочего дня, опять же молча посмотрели друг на друга, посмотрели в сутулую спину удаляющегося Пыёлдина и, вздохнув, направились в подвал. Покрякивая, выволокли один за другим три мешка

цемента, сложили их один на другой и с облегчением отряхнули руки. Но тут вернулся Пыёлдин и негромко потребовал, чтобы все мешки были положены в ряд.

— Им что, так лежать неудобно? — спросил Козел с раздражением. — Может, им на попа хочется?

— В один ряд, — повторил Пыёлдин с бесконечным терпением. — И чтобы между мешками были небольшие просветы.

— Душно им, выходит? — подал голос Хмырь — длинный, рыжий, с красными воспаленными глазами, в которых давно угасли все чувства и желания, кроме одного... Впрочем, угасло и это, последнее чувство-желание.

— Да, — кивнул Пыёлдин, — они должны подышать. Между ними должен быть воздух.

Зэки опять посмотрели друг на друга, как бы удивляясь — с кем только не приходится общаться, и положили мешки в ряд, с небольшим просветом примерно в ладонь.

— А теперь, — продолжал Пыёлдин все так же негромко и терпеливо, — возьмите вон ту скобу, я ее специально для вас приготовил, и вспорите мешки.

— На фига?! — взвился Козел — длинный, узкоплечий и весь какой-то постоянно взвинченный. Если бы он действительно был козлом, то наверняка бодливым.

— Только осторожно, чтобы не просыпался цемент.

— Слушай, Каша, — произнес Хмырь, — ты того... Кончай куражиться. Всему есть предел.

— Не пожалееете, — ответил Пыёлдин и направился к себе в камеру. А Козел и Хмырь, заглянув за угол, действительно обнаружили скобу с острыми зубьями и вспороли все три мешка, обнажив серый, мельчайшего помола сухой цемент. Не успели они снова от-

рыхнуть руки, как сзади возник Пыёлдин — вернулся, не смог уйти, оставив что-то несделанным. Слишком большое значение в его планах имела каждая мелочь, каждый пустяк.

— Все? — угрюмо спросили зэки.

— Еще небольшое дельце... Пошли. — И, не оглядываясь, Пыёлдин направился к бытовке, сваренной из ржавых железных листов. Сюда сваливали после работы лопаты, ломы, ящики с гвоздями, заносили сварочный аппарат. Тут же стоял стол, сколоченный из какой-то деревянной трещины — реек, державок от лопат, обрезков прессованной стружки. По углам валялись банки из-под краски, окаменевшие кисти, сломанные носилки и прочий хлам. Войдя в бытовку, Пыёлдин внимательно осмотрелся по сторонам, подождал, пока подойдут поотставшие Козел и Хмырь.

— Ну? — сказали они одновременно. — Что еще?

— Значит, так... Легкий марафет. Задача ясна?

— Что это такое — легкий марафет? — спросил Хмырь.

— Лопаты в угол, носилки вынести, банки сложить с внешней стороны, пол подмести, стол починить, чтобы он хотя бы стоял на четырех ножках, а не на трех. Вопросы есть?

— Зачем, Каша? — прорычал Козел.

— На работу пятнадцать минут. А то вон конвоиры уже заволновались... Проголодались ребята.

— А о нас ты подумал, Каша? — спросил Хмырь, чуть не плача от досады и непонимания происходящего.

— Все мои мысли о тебе, Хмырюга, все мечты. Да, банки выносить не надо, оставьте их в будке, но сложите в угол одну на другую, чтобы меньше места занимали.

— Зачем, Каша?!

— Знаете, как Суковатый обалдеет, когда увидит такой вот порядок! — воскликнул Пыёлдин и впервые за многие дни поднял голову и бесстрашно посмотрел сокамерникам в глаза. Взгляд у него был ясен, переполнен светлой радостью и надеждой на свободную, счастливую жизнь. Весь гнев и Хмыря, и Козла как-то исчез, испарился сам по себе.

— Ох, Каша... Доиграешься, — проворчали зэки, но все сделали так, как потребовал Пыёлдин. Даже больше сделали — лавку поправили, хотели решетку с маленького окошка снять, но Пыёлдин не позволил.

— Пусть остается, — сказал он, склонив в задумчивости голову к плечу. — А вот ломы надо вынести.

— Пусть себе стоят! — полуобернувшись, не столько возразил, сколько попросил Хмырь.

— И лопаты тоже, — неумолимо продолжал Пыёлдин.

— А может... — начал было Козел, но не успел закончить, потому что в голосе Пыёльдина вдруг прозвучал такой скрежещущий металл, что зэки оторопели, но опять же сделали все как надо — ломы вынесли и сложили в сторонке, сверху побросали лопаты, гвоздодеры.

— Ну? — спросил Козел. — А теперь что? Опять вносить?

— Не надо, — твердо сказал Пыёлдин, не приняв шутки.

— А может, покрасить будку-то? — предложил Хмырь. — Может, тряпочкой ее протереть?

— Не надо, — повторил Пыёлдин. Войдя в бытовку и еще раз внимательно осмотрев ее, Пыёлдин широко улыбнулся. — Как приятно все-таки находиться в чистом, прибранном помещении! — воскликнул он, но тут же опасливо отошел в сторонку, потому что знал — за такие слова можно запросто схлопотать ло-

патай по заднице, если не по физиономии. Конвоиры уже махали руками, поторапливая работников, и Пыёлдин, воспользовавшись этим, трусцой засеменил через двор. Следом за ним размеренно и хмуро зашагали Хмырь с Козлом.

Последнюю ночь перед побегом Пыёлдин не сомкнул глаз. Он изо всех сил старался сделать вид, что спит давно и беззаботно, но обмануть своих многоопытных сокамерников не мог. Да и как он мог ввести их в заблуждение, если поминутно переворачивался на другой бок, на спину, тяжело, с надрывом вздыхал, а то вдруг закидывал руки за голову и смотрел бессонными глазами в близкий потолок, выкрашенный какой-то грязно-неопределенной краской.

— Что, Каша, — усмешливо окликали его сокамерники. — Тяжело дается физический труд?

— Да нет, ничего... Жить можно, — отвечал Пыёлдин, не оборачиваясь. — Ничего.

— Нелегко с начальством дружить, да?

— Годы, — со вздохом отвечал Пыёлдин и этим ничего не значащим словечком как бы гасил интерес к себе и со стороны приятелей, и со стороны неведомых ему стукачей. А в том, что стукачи в камере были, он нисколько не сомневался. И потому постоянно делал поправку на них, на стукачей. Докладывайте, дескать, доносите, граждане хорошие, годы меня давят и гнетут, годы...

— В твои годы на воле давно пора быть, — усмехался невидимый в слабом свете Хмырь.

— С твоим умом здесь тоже делать нечего, — отвечал Пыёлдин.

— Мой ум всегда при мне, — отчего-то злясь, произносил Хмырь.

— И годы мои тоже при мне, — улыбался Пыёлдин.